

**ЭПОХА
МЕРТВЫХ**

НИКОЛАЙ ЦИТЫРКОВИЧ

ЗНАЧНОЕ МЕСТО

Роман и рассказы

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ш83

Художник
С. Дудин

Шпыркович Н. А.

Ш83 Злачное место: Роман и рассказы.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 409 с.: ил. — (Эпоха мертвых. Мир Андрея Круза).

ISBN 978-5-9922-1253-2

После прочтения «Эпохи мертвых» вы наверняка задавали себе вопросы: почему зомби не разлагаются? как из обычного зомби получается морф? почему **ВООБЩЕ** зомби смогли появиться на этой планете? Все ответы — в этой книге вместе с увлекательными приключениями команды «охотников на морфов», к которым в силу обстоятельств должен примкнуть вчерашний школьник, житель глухой деревеньки, чудом уцелевшей после наступления **ВСЕГО ЭТОГО**.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1253-2

© Шпыркович Н. А., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ЗЛАЧНОЕ МЕСТО

Роман

...В масштабах Вселенной, Солнечной системы и даже третьей планеты этой системы это событие вообще-то было вполне заурядным. На фоне грандиозного вымирания видов (в том числе и воспетых Голливудом и фантастами динозавров — типа тогда вымерли только они) где-то там, в меловом периоде, и еще более грандиозного вымирания видов (многим из тамошней фауны динозавры и в подметки не годились) в пермском, — то, что случилось несколько лет назад весной в Москве, а потом с молниеносной скоростью распространилось по всему миру, было чем-то вроде ОРЗ в Лондоне времен Великой чумы. В самом деле, в какое сравнение могли идти нынешние события рядом с той же пермской катастрофой, когда погибло 95 процентов всех живых существ! Ныне же даже у самого пострадавшего вида на планете оставалось еще, по самым пессимистичным оценкам, от 5 до 10 процентов особей, ведущих, так сказать, привычный образ жизни. Да и остальные проценты, по крайней мере те, которые еще бесцельно шлялись по постепенно ветшающим городам или тихо отлеживались в сырых местах, нельзя было считать вымершим видом, тем более что в подобном облике им можно было существовать неопределенно долгое время, некоторые же радикально сменили и облик, что еще больше увеличивало их шансы встретить и четвертое тысячелетие от Рождества Христова. Практически всем остальным видам живых существ, за исключением лишь некоторых, по странному совпадению наиболее тесно связанных с тем, наиболее пострадавшим, нынешние времена должны были казаться сущим раем и избавлением от неизбежной, казалось, гибели. Только этот самый наиболее пострадавший вид категорически не соглашался со столь трезвой оценкой и упорно продолжал име-

новать произошедшее Великой Катастрофой, Большим Песцом, Эпидемией К, Армагеддоном, пыжась даже сейчас обилием заглавных букв показать свою значимость. Правда, в деревне, где жил Артем до встречи с Крысоловом и его ребятами, столь выпендренных названий не то что не употребляли, а даже и не знали. Там это событие называли просто — Это. Многие поминали: Беда. Некоторые, правда, трансформировали Беду в Байду. Так и говорили: «...после всей этой Байды». Ну или совсем просто — Хрень.

Если бы не та сеть с рыбой, бандиты хрен бы вошли в деревню, сторожевых зомбаков им бы не обойти: их сам Артем отец на капканы расставил, по схеме, так что если одного обойдешь, сразу на другого напорешься. Причем если сразу входивший напарывался на «медленных» зомбаков, специально навязанных на гремящие цепи, и шарахался от них в сторону, он тут же попадал в лапы шустров на тросах. Без шума не пройдешь, короче. Если, конечно, не знать обходной тропинки, которую и знали практически все белореченские — соседи как-никак, мало ли что. А ведь предлагал батя тропу сменить, а им не говорить, еще когда по зиме белореченских сцапали на замерзшем озере с сетью их деревни и крепко отметилили, — запомнят ведь гады, они злопамятные. Еще когда-то, при царе Горохе, еще когда Союз был и коров все держали, за траву на покосах — чуть не убивали белореченские васильевских, ну... и те тоже... бывало. Потом, когда коров уже не держали и делить покосы стало незачем, поспокойней сделалось, хотя нет-нет и дрались молодые парни на танцах. Ну так то же дело молодое. А потом и молодежь перевелась, как не стало и того самого легендарного Союза, про который батя рассказывал. Артем, еще когда маленький был, верил, а потом понял, что батя ему дурку гонит: типа ездили везде, с Дальнего Востока на Черное море летали... Ну конечно, тогда Хрени Этой не было, ясно, но все равно Артем помнил, что и до Хрени выехать в соседний поселок проблемой было: куда ты поедешь, без денег... А тут — через весь континент лететь! Артем карту помнил, хоть в школу еще до Этого ходить совсем не любил. Ну а потом, когда Это грянуло, деревня вообще одна осталась. Сказать, что жить теперь было совсем уж плохо, — так Артем не сказал бы. В школу, например, ходить

все бросили — и то плюс! А и закончил бы ее Артем — что дальше? Все равно в своей родной деревне и останешься да землю пахать будешь. Ну телика теперь нет, ну, стали товаров поменьше привозить. Так, а толку с того было, что Ашот в деревню еще до Хрени те товары завозил, если денег все равно ни у кого не было? Как раньше на мед и сушеные боровики все меняли, так и теперь, разве что вместо лысого Ашота теперь ездил кучерявый Сергей. Сейчас даже лучше: не только мед и грибы можно обменять, а и зерно. Овощи и картошку Сергей не брал — говорил, что в поселке их сами многие выращивают. А Ашота съели, говорил, подчистую, еще в первые дни, так что даже и зомбаком ему стать не привелось.

Хлеб, конечно, вырастить посложнее, чем картошку, — высокий он, там только морфам и прятаться, так что городские тогда здорово умылись, еще по первой жатве. Так с тех пор и повелось — хлеб растят в деревне, ну, так испокон веков и было, батя говорил. Хоть Артем его не понимал — он-то помнил, что хлеб всегда в магазине был. А вокруг деревни никто его и не сеял никогда, на Артемовой памяти. Вот после Хрени только и стали. У них-то в деревне таких тварей, как Сергей рассказывал, в общем-то и не водилось, хотя из леса дикари порой, бывало, выскакивали. Ну так они ж мелкие, кто дошел, да и медленные. Стеречься надо, конечно, так на то тебе и глаза дадены. Когда жатва, тогда, конечно, страховаться надо, бабы и девки с серпами жнут, в рукавицах, а мужики с ружьями да дубьем рядом стоят. Ну и никого не погрызли никогда, не то что в этом городе... Бабы, кстати, так наловчились серпами орудовать, что в последнюю жатву мужикам и работы, считай, не было — сами бошки дикарям пробивали.

Да, так вот после того случая с сетью батя и говорил, что сменить бы надо тропу, и хотели ведь, да белореченские тогда пришли, покаяться. Сослались на голодуху — зима и вправду голодноватая выдалась, а у белореченских хлеб тогда, как на зло, не уродил. Ну и нормально жили ведь потом: в гости ходили, Васька даже Аньку Лесникову замуж звать собирался по осени. Только Артем думал потом, что не в сети тут дело, или не только в сети. Земля у них получше, чем у белореченских, вот и вопрос весь. А Белореченка больше, чем Васильевка, и молодых там больше. А земель хороших — ни хрена, разве что лес драть, так ты его подери попробуй. Куда как проще их,

васильевских, согнать. А как их, васильевских, не станет, так и землю себе можно забрать будет. А там и цену на хлеб задрать — не слишком, конечно, но ощутимо. Артем сам бате все это говорил, а тот все отнекивался, ну и доотнекивался на свою голову.

Когда пошла пальба с другого края деревни, Артем сразу схватил калаш и метнулся к здоровенному тополю, с верхушки которого видна была вся улица. Винтарь, конечно, был бы лучше, так где ж его взять, винтарь-то. У Васьки вон есть, так вот он и бухнул там, где частил ППШ Кузнеца и сухо щелкал Петькин «макаров». Артем быстро вскарабкался по набитым палкам до первых сучьев, а там моментально взлетел на самую верхушку. Рывкнув на Валерку, испуганно прижавшегося к краю гнезда, он сорвал у того с шеи восьмикратку и первым делом посмотрел второй НП¹, расположенный на тополе, растущем на противоположном конце деревни.

Артем приложил бинокль к глазам, и картина творящегося на том конце резко приблизилась, превратившись из муравьиного мельтешения в четко различимое зрелище. Стрельба к этому времени поутихла, закончившись так же внезапно, как и началась, треснув напоследок двумя пистолетными выстрелами. Артем понял сразу, что это за выстрелы, когда увидел лежащего Ваську с расплывающейся лужей крови вокруг головы, а над ним — коротко стриженного парня со знакомыми синими крестами на щеках. Рядом суетился знакомый мужик из белореченских, что-то угодливо тараторя и тыкая пальцем в сторону домов всех взрослых мужиков деревни. Артем немного удивился, что Ваську просто застрелили, а не оставили, чтобы изнасиловать, а потом вдоволь покуражиться, ну или хотя бы взять в рабы: по слухам, «крестовым» они всегда были нужны, но потом сообразил, что Ваську убили раньше, он уже обратился, а потому и был застрелен «крестовым» как представляющий угрозу. Скрипнув зубами, Артем протер вдруг странно запотевшие окуляры. И вновь прильнул к биноклю как раз в тот момент, когда из дома Кузнеца «крестовые» вывели отца, пиная его ногами. У отца плетью висела левая рука, старая камуфляжка обильно промокла кровью. Частые капли ее срывались из рукава в теплую деревенскую пыль, мягкую,

¹ Наблюдательный пункт.

как пух. Артем еле удержался, чтобы опять не всхлипнуть, когда один из «крестовых» злобно пнул отца ногой в живот, и батя судорожно согнулся пополам, а затем медленно повалился на бок и затих.

Артем было подумал, что все, хана батю, но тот опять мучительно медленно перевернулся и встал на четвереньки. Его вырвало, и один из «крестовых» с хохотом толкнул его в спину между лопатками, так что отец упал лицом прямо в лужу собственной рвоты. И опять затих. Лениво пнув отца тяжелыми ботинками, двое молодых «крестовых» отошли чуть в сторону. В доме Кузнеца опять грохнул выстрел, оттуда вышли еще двое бандитов. Один держал на плече кузнецовский ППШ. Петьки нигде не было видно, но, поскольку никто больше не стрелял, наверное, с ним тоже уже разобрались, — в подтверждение этой мысли из дальнего, не видного за забором конца двора подошел белореченец, хозяйственно осматривая пистолет, аккуратно вытирая его от свежей крови. Значит, все... Из всех мужиков, способных сражаться, в деревне остались они одни с Валеркой. Хотя и самому Валерке совсем недавно исполнилось тринадцать. Ну а пацаны, кто поменьше, в счет совсем не шли. Собственно, мужики в деревне еще были, но «крестовые», опять же явно с подсказки белореченских, выбрали именно тот момент, когда большинство взрослых защитников были в отлучке — кто на дальних пасаках в лесу, кто на сенокосе там же... кто по торговым делам ушел в ту же Белореченку, — ясно, с каким результатом.

Теперь все — деревне кранты, неожиданно ясно осознал Артем. Сейчас «крестовые» запалят деревню, предварительно прошерстив ее на предмет всего ценного и рабынь. И все — мужикам возвращаться будет некуда, а оставшихся сил едва ли хватит, чтобы устроить приличную месть белореченским, не говоря уже про «крестовых», у которых, по слухам, было за сто бойцов. Один выход останется уцелевшим — в город подаваться, за харчи работать. Вот и все — посеянный этой весной хлеб достанется белореченским, а следующей весной это уже будет их земля. Поселятся здесь их молодые, а поселку в общем-то плевать, кто будет хлеб поставлять, мрачно подумал Артем, лишь бы вовремя. Уловив рядом шевеление, он скосил глаза в сторону и едва успел схватить за руку Валерку,

собравшегося — и смех и грех — стрелять из своего «ижака» по захватчикам. Это с такого-то расстояния.

— Ты что, сдурел? — злобно рыкнул он. — Сейчас нас запалишь. Обложат тут, как лису в норе, и снимут — будешь зомбаком ворон пугать, пока с верхушки не долбанешься!

— А ты что — обделался? — хлюпнув носом, белобрысый Валерка потянул рукой двустволку к себе.

— Да не обделался я, — досадливо поморщился Артем. — По-умному тут надо. Ты вот что: спускайся по-тихому и дуй за мужиками в лес на мопеде. Только осторожно смотри. Сразу не заводи, сначала так кати. А я попробую их тут подержать подольше, когда ближе подойдут. — Про себя Артем подумал, что все его «подольше» будет ровно до первых его выстрелов плюс еще от силы минут десять. «Ладно, может, хоть пару «крестовых» завалю, а главное — ту суку белореченскую», — решил он.

Оставив ружье, Валерка полез вниз, а Артем продолжил наблюдать за деревней. «Крестовые» на том конце не спешили, курили, поглядывали на часы, ждали чего-то, видать. А чего ждали — стало ясно, когда за три дома от сторожевого тополя прогремела короткая автоматная очередь и послышался тонкий, захлебывающийся Валеркин крик, быстро оборвавшийся после еще одной очереди. Артем едва не застонал от злости и боли. Дурак. Зомбак «медленный» — вот он кто. Ясно, что бандюки знали про пост от белореченских и ждали на этом конце деревни, когда часовой с него побежит за помощью. Вот теперь точно все... А хотя... Вряд ли они знают, что он тут сидит, мелькнула трусоватая мыслишка. На гнездах всегда по одному дежурили, и белореченские об этом в курсе. И тем более они могут не знать, что Артем на покос не уехал, — он ведь туда действительно собирался, да приключилась с ним какая-то зараза: нос потек, глаза заслезились. Странно вообще-то после Хрени он вообще ни разу не простужался, но батя сказал, что это не простуда, а аллергия, скорее всего на тимофеевку: она как раз зацвела. При чем тут тимофеевка, Артем не понял, но с удовольствием согласился не идти на покос, пока батя не сходит к Кузнецу, у которого как раз были таблетки от этой хвори. Если не шуметь, можно и отсидеться — вновь прокралась в мозг предательская мысль.

— Хрен тебе, а не отсидеться, — зло прошептал Артем са-

мому себе и стал терпеливо ждать, когда кто-нибудь из нападавших подойдет на расстояние верного прицельного выстрела.

«Крестовые» на том конце поговорили по радиации, и совсем рядом с тополем нарисовался высокий плосколицый азиат с автоматом.

— Да... один, все вроде, — сказал он кому-то. Артем уже собрался его валить, однако азиат махнул рукой, и к нему из-за домов начали подходить еще двое. Артем, тихо выдохнув, снял палец со спускового крючка, решив подождать, пока все не сойдутся. Судя по всему, «крестовые» пошли на деревню большими силами. Он прикинул: здесь трое, и с того края — как минимум шестеро, включая гада-белореченца, а может, и больше.

«Крестовые» — так они недавно себя называть стали. Раньше — просто там зона была, года полтора даже спустя после Хрени, про нее ничего и не слышно было. А потом что-то у них произошло, вот и взялись он себе кресты на щеках малавать и стали гораздо более дисциплинированными. Слухи про них какие-то доходили, но были смутными и жутковатыми. Васильевка с «крестовыми» жила в общем-то мирно, платя положенную дань, и те не стремились вмешиваться в жизнь деревни. Один раз, правда, трое отмороженных «крестовых», которых невесть как занесло в их глухомань, изнасиловали неподалеку от деревни Веру, Кузнецову дочку, забрав ее потом с собой. Не учтя, правда, того, что Васек тогда был неподалеку и все видел. Они с Васьком, батей и еще парой человек тогда быстро нагнали похитителей как раз недалеко от ржаного поля. В скоротечном бою одного из «крестовых» убили, а двое сами покидали оружие. Артем до сих пор помнил страх, даже не страх, а недоумение, что ли, стоящее в глазах одного из них, черного горбоносого кавказца, когда, помолившись, по приказу бати они с Васьком принялись вырезать его товарищу руки из плечевых суставов. Вроде как сам процесс того, что делают с его другом (а потом сделали и с ним), он понимал, но никак не хотел осознать, что это делают с ним о н и. Вроде как не могут о н и с ним т а к о г о. Кто-то другой может, но только не э т и.

Они тогда неплохо попитались с тех бандюков, и оружием и патронами, и даже сделали две неплохие заначки — на буду-

щее. На сторожевых зомбаков «крестовые» негодились — больно уж приметные. Так что то, что от них осталось, оставили там, чтобы заодно уж и кабанов отвадить. Про случай этот, понятно, никому не говорили, даже и белореченским. Только вот Артем вспомнил внимательный взгляд одного из пацанов из соседней деревни, когда как-то по весне столкнулись на охоте на глухаря они с батей — и такой же пацан со своим отцом-белореченцем. Пацан тогда внимательно присматривался к трофейному дробовику отца, снятому им в том бою с трупа убитого первым бандита. Ружьецо действительно было славным, хорошего боя. И приметным — ни у кого в округе такого больше не было. Вот пацан и смотрел на него, но не так чтобы восхищенным взглядом, а будто силился вспомнить, у кого он его уже видел. Они тогда быстро разошлись, но Артем помнил, что, оглянувшись, заметил, как белореченский пацан что-то быстро говорит своему отцу. Вот, видно, и «слили» соседи их «крестовым», раз уж такой удобный случай вышел, подумал с горечью Артем. Жаль, что вместо глухарей их тогда не «скрали».

Бандюки под тополем тем временем не спешили сходить-ся. Один пошел в их с батей дом, второй, с карабином, зашел в огород, где стал шарить по клубнике, обирая последние ягоды и полностью скрывшись за высоким плетнем. Азиат же как-то незаметно сместился в сторону, уйдя с удобной линии стрельбы, и Артем подосадовал на себя, что не завалил того, пока было можно. Сейчас же шевелиться наверху лишний раз не хотелось, поэтому он решил подождать более удобного момента — не век же, в самом деле, будет эта свинья их с батей клубнику жрать. Пока же он решил глянуть, что творится на том конце и как там батя.

Батя все так же, не шевелясь, лежал посреди двора. Четверо «крестовых» сошлись вместе, решив, видно, перекурить перед тем, как начать грабить деревню, белореченец уже деловито копался в сарае. А шестой где? Артем перевел бинокль чуть дальше и увидел шестого, жирного дядьку, отошедшего за сарай и расстегнувшего штаны. Увидел как раз вовремя: через секунду после того как жирный присел, блаженно шурясь на солнце, он вдруг внезапно вздрогнул, так что его украшенные крестами щеки затряслись, как холодец, и ничком повалился лицом вниз, нелепо задрав кверху зад в дерьме. Из за-

тылка жирного торчала узкая дырявая рукоятка метательного ножа.

От радости у Артема перехватило дыхание. Только кто же его так? Мужики, что ли, на выстрелы подбежали? Да нет, откуда, с ближайшего сенокоса полчаса пилить, не меньше, а и десяти минут не прошло, как все началось. Да и не умеет никто из васильевских так, и ножей таких ни у кого не водилось в деревне, Артем хорошо видел в бинокль, что нож, которым засадили жирному, был настоящим метательным — видел он как-то такой в дорожной книжке по холодняку на поселковом базаре, куда они с маманей зимние ботинки приехали покупать. Пока в соседнем ряду мать обувь перебирала, он тогда на книжном развале эту книжку увидел и попросил посмотреть. Продавец нежадный был, не побоялся, что деревенский пацан книжку залапает, и он целых полчаса любовался тогда разнообразными клинками. И нож вот такой как раз хорошо запомнил, потом, после Хрени, даже думал попросить Кузнеца такой же сделать, да все недосуг было как-то, особенно когда мать умерла.

Из невысокого кустика травы, где, казалось, совершенно невозможно спрятаться не то что человеку, а и кошке, поднялась фигура человека в камуфляже и молниеносно метнулась к стене сарая, не тратя времени на то, чтобы выдернуть из затылка убитого нож. Впрочем, их у него было еще несколько — Артем разглядел пояс с торчащими продырявленными рукоятками. Однако нож — всего лишь нож, а в руках у этого неведомого спасителя был еще и странный автомат с толстым стволом. Подбежав к стене, человек присел на одно колено и, держа под прицелом двор, поднял вверх руку со сжатым кулаком. Тут же, откуда ни возьмись, появились еще три трудно различимые тени, так же быстро скользнувшие в разные стороны, окружая дом. Артем даже дыхание задержал, видя, как ловко у них все это получается. Тем временем один из молодых «крестовых» глянул в сторону сарая и неразборчиво что-то крикнул. Может, звал жирного. Естественно, никто не отозвался, молодой опять позвал, и было видно, что бандиты насторожились, кое-кто перехватил оружие поудобнее. Однако уже оказалось поздно: короткие очереди, ударившие одновременно с трех разных точек, моментально положили стоявших вместе «крестовых». Белореченец уцелел, бросившись

на землю, он ужом пополз под старую телегу, однако одиночный выстрел четвертого, до этого не стрелявшего неизвестного бойца настиг его и там. На все про все ушло не больше двух минут — от броска ножа до финального выстрела.

Едва не завопив от счастья, Артем спохватился: а «его» тройка где? Он обшарил взглядом двор, но увидел лишь двоих: любителя клубники и мародера, ошалело выскочившего из дома со связкой домашних колбас в руке. Азиат же как сквозь землю провалился. Эти же двое, перебросившись парой слов, не спеша пошли на тот конец деревни, по-видимому, решив, что случившаяся стрельба — дело рук их друганов. К ним, уже упокоенным, эти двое и присоединились вскоре — едва они вышли на открытое пространство, пулеметная очередь отшвырнула их к забору, где они и затихли — на несколько минут, чтобы потом неловко подняться и, забыв про свое оружие, на негнущихся ногах начать переминыться на пустой улице.

Неожиданно пришедшие на выручку бойцы быстрыми перебежками тем временем двигались по улице, умело страхуя друг друга. Вот сейчас переместился на десяток метров вперед здоровенный парень с ручным пулеметом, невероятно ловко для такого большого тела передвигаясь по пустынной улице, залег, взяв на прицел лежащий перед ним участок, следом за ним по-кошачьи грациозно перетек на такой же десяток метров парень с метательными ножами. Потом еще один... Артем, увлекшись, следил за ними, когда боковым зрением засек какое-то движение во дворе дома бабы Матруны. Переведя бинокль туда, он тихо выругался: давешний азиат, затаившись, пропустил передвигавшихся по улице и сейчас конкретно готовился шмалянуть им в спину. Чего-чего, а смелости ему было не занимать. Он медлил, по-видимому, так же, как недавно Артем, выжидая, когда как можно больше противников окажется рядом, чтобы срезать их одной удачной очередью. Кто бы ни были эти люди, но они убили Артемовых врагов, так что он, не раздумывая, схватился за автомат и, хоть расстояние было довольно приличным, аккуратно прицелившись, всадил пулю в грудь азиату. Тот выронил калаш и, немного покачавшись, рухнул на колени, а затем повалился на бок. За свою помощь, Артем получил моментально «благодарность» в виде нескольких очередей, прошивших ли-

ству совсем рядом с гнездом. К чести стрелявших, они довольно быстро разобрались в ситуации, обнаружив убитого Артемом бандита. Перестав стрелять, они, по-видимому, наскоро обсудили ситуацию, и через пару минут из-за Матруниного забора послышался крик:

— Эй, на тополе, слышишь?

Поскольку особых вариантов дальнейших действий у Артема было немного, он решил отозваться. По крайней мере, вариант сопротивления он отмел сразу: с такими навыками ведения боевых действий эти его уделали бы еще быстрее, чем «крестовые». Да и, сказать по правде, он как-то проникся уверенностью, что эти непонятно откуда взявшиеся бойцы не будут ему опасны. Слегка помедлив, он тоже крикнул:

— Слышу...

— Ты там видишь: есть еще кто живой из этих, с крестами?

— Не, вроде с этой стороны только эти трое были. А с той вы всех положили.

— Не стреляй, выхожу...

Из-за забора поднялся человек и бесстрашно вышел на открытое пространство, демонстративно забросив свой автомат за спину.

— Спускайся, стрелять не будем. Ты Кондратьева Дмитрия знаешь?

— Батя это мой, его на том конце привалили.

— Да живой он, живой, — успокоил Артема говоривший. — Мы как раз к нему и прибыли, да на вашу войну и угодили. Его там сейчас перевяжут, и должно все нормально с ним быть. Ну так будешь спускаться?

Прикинув, что хуже, чем сейчас, ему уже не будет, Артем решил слезть. Да и то сказать, хотели бы положить — уже положили бы: он отлично видел, что пулеметчик, сваливший тех двоих, контролирует все его движения. С такого расстояния обстрижет тополь, как батя овцу. Так что он еще раз быстро оглядел все окрестности, не найдя никакой скрытой угрозы, спустился с тополя и, так же демонстративно повесив оружие на плечо, подошел к спокойно стоявшему человеку. Тот стоял, слегка расставив ноги, заложив руки за спину, и, слегка прищурясь от светившего в глаза солнца, внимательно смотрел на подходящего Артема. Лет сорока — сорока пяти,

уже с сединой в русых волосах, но крепко сбитый и полный какой-то внутренней силы. Как-то, стоя с ним рядом, было ясно — хорошо, если этот человек за тебя. И совсем плохо, если ты ему дорогу перешел. Сразу бросалось в глаза, как ладно сидит на нем маскировочная одежда невиданной ранее Артемом расцветки. В деревне многие носили камуфляж, даже еще и до Этого, а уж потом тем более, однако сразу было видно, что «их» камуфляж рядом с этим и рядом не лежал. Серо-голубые глаза пристально оглядели Артема с головы до ног. И морщинки еле уловимой улыбки собрались у уголков рта.

— Ну привет. Хороший выстрел, спасибо тебе за него. Я — Крысолов, а это — моя команда. А ты, наверное, Артем?

— Так вы... так вы команда? — с восхищением произнес Артем. Ну кто же не слышал о командах, истребляющих жутких зверюг-морфов, проникающих в самое сердце мертвых городов и выносящих оттуда ценные материалы, информацию, ну и другое разное. Как правило, работали такие отчаюги по отдельному контракту, не желая связываться с какими-либо конкретными группировками. Да и те не хотели иметь под боком у себя людей, не очень-то жалующих дисциплину, зато умеющих хорошо стрелять, так что такие команды вели достаточно кочевой образ жизни. Об их подвигах ходили легенды, кое-какие Артем и сам слышал: Сергей-торгаш, бывало, когда оставался ночевать у них дома, рассказывал жутковатые истории, так что мурашки бежали по коже. Ну а малышня в деревне только в команды и играла, охотясь друг на друга в лопуховых и люпиновых зарослях. Правда, до сегодняшнего дня Артем никого из таких охотников не встречал, так что потихоньку начинал сомневаться: а не втюхивает ли Сергей им про этих самых морфов и охотников на них, чтобы поменьше сами ездили, а больше его ждали? А зря, оказывается, не верил.

Видя, что контакт с местными жителями налажен, подтянулись и те двое, что до сих пор хоронились за забором. Один, здоровенный парень, держал в руках пулемет — не Калашникова, Калашникова Артем у Сереги видел, а другой какой-то, хотя и похожий на него. Второй был тот самый худощавый парень с метательными ножами, и если пулеметчик напоминал могучего лося, то он своими плавными кошачьими движениями

ями — леопарда, какими их показывали до Хрени в передачах про природу.

— Знакомься — Кусок, — кивнул в сторону пулеметчика их командир, — а это — Банан.

Артем видел, что, несмотря на видимую дружелюбность, все трое внимательно смотрели по сторонам, контролируя сектора, держа оружие наготове. Да и стояли они так, чтобы не закрывать друг друга, не то что покойные «крестовые».

— Банан, проверь там на всякий случай, — негромко распорядился Крысолов, и Банан, кивнув, опять по т е к за дома, побыл там немного, и раздался одиночный выстрел. Затем Банан появился и отрицательно помотал головой.

— Никого, только вот пацан зомбанулся, — он пожал плечами, — пришлось успокоить...

Васек, Петька, теперь вот Валерка — Артем в одночасье лишился всех своих приятелей... Да, а батя что же?

Когда они подошли к дому Кузнеца, Артем с радостью увидел, что отец, хотя и бледный, сидит, прислонившись к скамейке, вкопанной рядом с колодцем. Рукав куртки у него был отрезан. Раненая рука перевязана, а в другую руку по прозрачной трубке капалась какая-то жидкость из пакета, подвешенного прямо на ворот колодца. В трубку подкалывал что-то шприцом еще один член команды — довольно пожилой уже дядька с седой головой.

— Живой... — Отец тоже обрадовался ему, улыбнувшись серыми губами. — А я уж думал, все...

— Они Валерку застрелили, — сглотнув комок в горле, проговорил Артем.

— Тут тоже, видишь, и Васек, и Петька... И Степаныч...

— Ну здравствуй, бача! Старый, чего у него там? — Подошедший Крысолов кивнул на отца, присев рядом на корточки.

— Мягкие ткани. Крови только потерял много — правда, артерии целые. Я ему давящую положил. Раньше можно было бы заражения опасаться. А сейчас, — тот кого назвали Старым, махнул рукой, — преднизолон только ввел. Обойдется, я думаю.

— Тебе тоже не болеть, — через силу улыбнулся отец. — Вовремя ты, Саша, подоспел: еще немного — и нам всем хана была бы.

— Ладно, это я только тот должок отдал. За Баграм, помнишь?

— Баграм... Сколько уж с той поры прошло...

Артем знал, конечно, что отец воевал в стране под названием Афганистан. Там, правда, и Америка воевала, так что он не понял толком: батя что, с американцами вместе воевал там? Или против них? Тем более что отец совсем не любил говорить о той войне, да ее и забыли как-то — еще до Хрени. Этой столько войн новых появилось, куда уж там той, афганской. А интересно все же: как он такого крутого дядьку в том Баграме вырубил? Может, там тоже морфы были?

— Сикока где? — спросил тем временем Крысолов седого бойца.

— Там, — показал тот рукой за дом. — Дорогу контролирует.

— А ты все хозяйничаешь? Воздухом деревенским дышишь? — вновь обратился командир охотников к отцу.

— Дышалось бы, — с тоской ответил он. — Кабы не эти. — Он кивнул в сторону упокоенных «крестовых», которых могучий Кусок одного за другим оттаскивал за пределы двора.

— Что, тоже зона неподалеку была?

— А где у нас зон не было? — криво усмехнулся отец. — Разве что в Кремле да на Рублевке, да и то многие выходцы отсюда там рулили. — Он помолчал, тихо выругался и угрюмо продолжил: — Я вот думаю, ребята, что вы у нас тут крепко попали. Завтра утром, ну максимум к обеду, сюда вся их кодла нагрянет. Вы, конечно, бойцы хорошие, спору нет, только их там человек сто, не меньше. Да еще прихватят с собой кого-нибудь типа соседей наших разлюбозных. Короче, вам за нас умирать, резона нет. Уходить вам надо.

— А ты что ж, один тут останешься? — с усмешкой спросил Крысолов.

— Сюда скоро наши мужики подбежать должны, — пожал плечами батя. — Да, ты там предупреди бойца своего, чтобы не положил их, не разобравшись. Если сейчас все уйдут, в лесу вполне можно скрыться успеть. Ну а я — да, тут останусь, вроде как я их пострелял. Тем более что заварушка нынешняя, как я понимаю, и по моей вине началась...

— Угу, Ремба колхозный. Даже если они поверят этому — что от твоей деревни останется? — жестко сказал Крысолов. — Возвращаться куда все будете? На пепелище? В общем,

так: мы тут останемся, пожалуй. Я тебя давно не видел, команде моей отдохнуть надо — мы же к тебе последние два дня пешком полтинник километров шли. Да и с «крестовыми» твоими найдется о чем поговорить. Да, Дима, а баня у тебя есть?

...А насчет вымирания вида — так вообще есть мнение, что все мы, так называемые гомо, сапиенсы и не очень, а также лягушки, дельфины, медведи и прочие стрекозы — суть не что иное, как самодвижущийся кокон, который предназначен, со всеми своими инстинктами и эмоциями, любовью, ревностью и ненавистью, содержимым мозга и кишечника, — со всем, короче, для одной-единственной цели: выживания и размножения половой клетки. И чем совершеннее кокон, тем больше и шансов у половой клетки высокоразвитого существа продолжить дальше свое существование. Половые клетки человека блестяще это доказали, доведя число своих носителей за каких-нибудь несколько миллионов лет до 6,5 миллиарда. Самое большое количество высокоразвитых носителей за всю историю Земли, единовременно проживающих на ней.

Если смотреть на все случившееся с этой точки зрения, так вирус «шестерка», который тоже есть не что иное, как носитель видовой информации, и по поводу которого в уцелевших и вновь созданных лабораториях не утихали споры, откель он взялся на грешной Земле, приобрел себе очень даже неплохой кокон — неболеющий, неразрушающийся, устойчивый к различным видам повреждающих факторов внешней среды и даже в пище нуждающийся лишь для того, чтобы кокон этот улучшить еще больше. На что могла рассчитывать та же чумная бацилла после смерти носителя — лишь на очень короткий срок жизни в разлагающемся теле. Потому и торопилась она наполнить собой лимфатические узлы, превращая их в чумные бубоны, а переполнив их — лопнуть и потечь гноем: авось, кто коснется и (при удаче!) заразится. Пропитать легкие, чтобы больной организм, силясь избавиться от пенистой мокроты, мешающей дышать, надрывался в кашле и опять же распространял с кашлем бациллу.

После же смерти — шалишь, паря: какое-то время труп еще сохранял заразную способность, но не слишком, так что практичные воры Средневековья, чуждые предрассудков,

уже спустя пару месяцев после эпидемии всюду шуровали в кошельках, висящих на мумиях и скелетах своих неудачливых соотечественников. Бацилла сибирской язвы могла в виде споры просуществовать (и смех, и грех) аж несколько десятков лет и, попав в благоприятные условия, заразить какого-нибудь бедолагу, начавшего строить по приказу очередного высокопоставленного идиота коровник на месте заброшенного скотомогильника. Какую-никакую конкуренцию «шестерке» могли оказать разве что споры аспергиллуса — плесени, которой якобы жутко образованные египетские жрецы преднамеренно заражали мумии фараонов, дабы всякие там говарды картеры не шибко копались в древних склепах, — там счет тоже идет на сотни лет. Но дело в том, что и сибирская язва, и тот же аспергиллус после исчезновения носителя были вынуждены переходить на споровое существование, находясь в дремлющем состоянии, пока не случится благоприятной оказии. «Шестерка» же великолепно существовала и в живом организме, тихо-мирно размножаясь в форме вируса «А» в нервных клетках, а от них — разносясь эритроцитами по всему телу, ведя симбиотический образ жизни, причем симбиоз обеспечивала — дай бог каждому! После же смерти носителя — в «привычном» значении этого для обитателей нашей планеты смысле — она не погибала и не погружалась в споровую «спячку», а, учитывая изменившиеся условия существования, переходила в форму «Б», после чего переводила носителя на «новый» уровень, обеспечивая кокону долгую сохранность. Если бы вирусологические институты все еще существовали — они, наверное, рано или поздно открыли бы тот самый набор ферментов и гормонов при том самом уровне кислотно-щелочного равновесия, которые образовывались в умирающем организме, запуская цепочку преобразований РНК-вируса формы «А» в РНК формы «Б». Цепочка — в общем-то громко сказано: всего пара звеньев в цепочке рибонуклеиновой кислоты менялись местами — и в организме начинал плодиться вирус, способный продлить существование «мертвого» носителя. И в общем-то это была просто своеобразная форма той же жизни — неприглядной, опасной, но все же жизни, хоть человек и отказывался упорно ее за жизнь признавать (называя тем не менее особей нового вида о ж и в ш и м и мертвецами). А насчет неприглядности и

опасности: так на взгляд сине-зеленых водорослей, водоросли зеленые и неприглядны, и опасны только потому, что ядовитый кислород выделяют. Одновременно вирусом активировалась программа дальнейшего усовершенствования «коккона» — путем видоизменения его применительно к условиям внешней среды в сторону наиболее подходящей для этого формы. Для планеты Земля это был высокоорганизованный хищник, наделенный разумом ровно в той степени, какая требовалась для противостояния всем другим видам живых существ. И если ему противостояли живые существа, умеющие стрелять, ездить на автомобилях и запирают двери на ключ, — надо было развить разум и возможности тела, способные эти умения превзойти. А все для чего? А то самое стремление размножиться, несмотря ни на что. Как же: носитель погиб — и нам всем, в смысле вирусам, подышать? Вот уж дудки: и вирус «перестраивал» метаболизм носителя, увеличивал свою концентрацию в крови, одновременно с этим повышая кровоточивость десен, вызывая знаменитую «зомбоцингу» — название, по сути дела, неверное — зубы у мертвого носителя не то что не выпадали, как и положено при классической цинге, а, наоборот, прорастали дополнительными корнями глубоко в челюсть.

Вот только не надо искать в этом зачатки какого-то разума и зловредной воли, как не надо искать разума в инстинкте пчел строить идеальные шестигранники сот, а зловредную волю и происки ЦРУ — в превосходящем все мыслимые размеры всплеске роста популяции колорадского жука. Просто человек любил картошку так же сильно, как и колорадский жук, а потому и засеял этой культурой громадные площади, чем ему, жуку, и обеспечил халявный источник питания, а тем самым — условия для колорадско-жукового «бэби-бума»... После Этого, кстати, популяция колорадского жука естественным путем пришла в норму, безо всяких «Торнадо» и «Каратэ», поля, на которых произрастал картофель, зарастали сорняками, а остатки несметной полосатой рати в основном остались в местах постоянного своего проживания — Сонорской области Мексики, ожесточенно жуя там дикие пасленовые культуры и проливая слезы о былом величии.

Да, так вот, о размножении: по большому счету, Жизни совершенно наплевать, каким способом оно происходит — пе-

реносом пыльцы на лапках насекомых с тычинок на пестики, впрыскиванием спермы самца в половые пути самки или введением вируса «Б» непосредственно в кровь через укус. Как говорят американцы: «Не главное, как это выглядит, главное — как это работает!» У «шестерки» все работало как часы: достаточно было первым вирусам в коре головного мозга «почувствовать» через тот самый набор гормонов ее смерть и перейти в форму «Б», как активировалась полимеразная цепная реакция, — точно так же, как замок в молнии считывает информацию с одного зубца на следующий, так и рибонуклеиновая кислота, ответственная за хранение наследственной информации вирусов формы «А», «считывала» необходимую информацию с РНК вируса уже формы «Б», которая прямо-таки кричала на своем вирусном языке: «Носитель гибнет!!! Включай программу зомбирования, а то все сдохнем на хрен, мля!!!» Требовалось всего несколько минут, чтобы новая информация донеслась до каждой клетки умирающего организма, все вирусы «А» трансформировались бы в форму «Б» и перевели стрелки на «запасной путь».

После укуса свежее испеченного зомби ртом, полным крови, кишашей вирусами формы «Б», тот же процесс начинался и в пока еще живом носителе — так же считывалась информация, форма «А» переходила в форму «Б», разве что процесс шел медленнее — в зависимости от того, какая доза вируса была введена в организм и куда, как быстро по нервным окончаниям от вируса к вирусу, гнездящимся там, информация о том, что «пипец всему!», достигнет вирусов, находящихся в коре, а уж оттуда каскадом обрушится во все остальные клетки. Собственно, почти так же развивается бешенство — и люди, наверное, инстинктивно это чувствовали, когда первые случаи заражения связывали именно с этой болезнью. Там ведь тоже после укуса бешеного животного вирус медленно бредет по нервным окончаниям, пока не доберется до головного мозга, и проходят, бывает, недели и месяцы, прежде чем человек начинает метаться в горячке, истошно орать, не в силах проглотить и глотка воды, отчего и название второе у этой хвори — водобоязнь. С «шестеркой» все происходило, конечно, значительно быстрее, однако тоже порой проходило несколько дней, пока человек, чудом вырвавшийся из замёрзшей Москвы куда-нибудь в украинское село и уже

забывший про укус странной крысой еще до всего Этого, вдруг вставал ночью с кровати и шел есть собственных детей. И цепная реакция продолжалась. Искать разум в распространении эпидемии было то же самое, что искать его в кусках плутония, с р а б о т а в ш и х над Нагасаки. Просто жить хочется всем, в том числе и вирусам. А тут — повезло, карты так легли. Звезды так стали, и получилось ровно то, что и у колорадского, а тогда еще и не колорадского вовсе жука, когда он до штата Колорадо добрал и увидел там РАЙ в виде бескрайних картофельных полей...

Бандиты не появились ни утром, ни к обеду, и даже вечером их не было. По-видимому, кто-то наверху в 29-й зоне крепко озадачился тем фактом, что вблизи Васильевки исчезают их люди, и наобум творить вендетту не полез, решив сначала выяснить все расклады. Недоуспокоенный азиат тупо стоял на окраине деревни, привязанный к ржавому, добедовому еще, трактору. На шее у него висела картонка с жирной, издалека видной надписью: «Поговорим?» Кому надо — надпись прочел, и, хотя бойцы Крысолова внимательно следили за лесом, никто из них так и не заметил, когда на опушке нарисовался парень в тонком кожаном пиджаке и джинсах, сучающе срубаящий прутиком метелки люпина.

— Блин, откуда он вылез, — тихо пробормотал под нос Сикока, маленький черноволосый то ли кореец, то ли японец, отличающийся, как заметил Артем, фантастической прожорливостью и не менее неумным влечением к противоположному полу. — Это не простой зэк, командир, гадом буду, тут кто-то из серьезных.

— А нам такого и надо, — спокойно сказал Крысолов. — Ну что, пошли, Артем?..

Батя, собственно, сам рвался поговорить с бандюками, но Крысолов трезво рассудил, что даже такой малой подсказки, как то, что у них здесь как минимум есть один раненый, бандитам давать не стоит. А поскольку никто из уцелевших пяти мужиков, робко сунувшихся в деревню только к вечеру того сумасшедшего дня, на переговоры с «крестовыми» не рвался, как представителю деревни решено было идти Артему. Собственно, в деревне уже оставалось семей хорошо если половина. Очень многие, прикинув расклады, предпочли скрыть-

ся в лесу, дабы отсидеться, пока все не уляжется. Пока они шли к парню по невысокой траве, он демонстративно отвернулся в сторону леса, заложив руки за спину. И только когда до него оставалось метров пять, не спеша развел руки и медленно повернулся к ним лицом, демонстрируя пустые ладони.

Лениво двигая тяжелыми крупными челюстями, он что-то неторопливо пережевывал. Светловолосый, чисто выбритый, по виду — лет тридцати, он был довольно смазлив. Портили эту смазливость две вещи — грубо заживший шрам над правой бровью и синие кресты на щеках. Они чем-то отличались от тех крестов, что были на щеках ворвавшихся в деревню бандитов и тех троих, что они с Васьком порезали в прошлом году. У тех кресты в большинстве своем были обыкновенными синими перекрещивающимися линиями, часто довольно грубо выполненными. Лишь у азиата, которого завалил Артем, и еще у пары убитых бандюков на оконечностях крестов были выколоты маленькие черепа. Кресты светловолосого были выполнены не в пример тщательнее, разными красками и были какими-то... пушистыми вроде. Присмотревшись, Артем понял, что это — тоже черепа, только густо усеивающие все четыре конца креста на правой щеке и две оконечности на левой. Большинство были синими, некоторые — зелеными, несколько штук — красные. Парень тоже внимательно разглядывал их. На Артеме он лишь ненадолго остановил свой взгляд, а вот Крысолова изучил куда как более прилежно.

— Вы хотели поговорить, — утвердительно сказал парень, после того как все вдоволь налюбовались друг другом.

— Хотел, — таким же спокойным тоном ответил Крысолов.

— О чем говорить будем?

— Да о многом можно... Кстати, как к вам обращаться?

— Хан, — улыбнулся одними губами парень.

— Не могу сказать, что рад знакомству, Хан, тем не менее это — Артем, представитель деревни, что у нас за спиной, меня же зовут Крысолов.

Парень с интересом вновь посмотрел на собеседника:

— Даже... Т о т с а м ы й Крысолов?

— Не могу знать, что вы имеете в виду, когда говорите «тот самый», но других людей с таким именем я не встречал и не

советовал бы им так называться — некоторые люди и не люди и мной очень недовольны.

— Даже сейчас у меня за спиной, я думаю, не меньше трех человек, с удовольствием готовых вас зомбануть, — прошептал Крысолова Хан.

— Как-нибудь в другой раз, спасибо.

Разговор становился все больше похожим на какую-то глупую шутку, однако парень терпеливо ждал, ничем не проявляя недовольствия.

— Любите Хайнлайна, Хан? Погоняло, случайно, не отсюда? — спросил Крысолов нечто совсем уж непонятное.

Парень тем не менее его, как видно, понял, потому что просиял:

— А, вы догадались? Только мне всегда казалось, что отмечать количество боевых выбросов маленькой косточкой-серезжкой в ухе как-то неудобно — попробуй разгляди эту кость, а уж сосчитать, сколько там костей, если больше хотя бы пяти, практически нереально. Да и выброс выбросу разница.

— У вас гораздо практичнее.

— Конечно. Синие, — он коснулся пальцем щеки, — это свой брат бандит, зеленые — вояки. Ну а красные — он слегка наклонил голову в сторону Крысолова, — ваши друзья-охотнички. Гражданских мы не отмечаем, — вежливо ответил он на невысказанный вопрос Артема, — щеки слишком малы. А кличка — нет, не отсюда. Я, видите ли, помимо Хайнлайна, еще и Яна читать любил, так что мне Тэмужжин очень нравится, равно как и Тамерлан.

— Ян про Тамерлана, по-моему, не писал, а вот за «фашистского Спартака», помню, лихо сыпал Джованьоли, обвинив несчастного итальянца во всех грехах и противопоставив ему Спартака революционного.

— Ну так то ж конъюнктура, — развел руками Хан, — хотя вообще-то идея, что Спартак у него в конце выжил, выглядит очень по-голливудски... но, я полагаю, вы не мои литературные вкусы хотели узнать и не систему рангов двадцать девятой зоны.

— Вы правы, Хан. Мы пришли поговорить за деревню.

Тот поморщился:

— Никогда не любил одесского жаргона. «Поговорим за жизнь», «что вы имеете сказать», «вы хотите песен — их есть у

меня»... Я понимаю, немцы-колонисты и евреи, говорящие на идише, который суть тот же немецкий, в общем-то не слишком различали, где и как использовать предлог «für», который в немецком означает и «о», и «за», и «для», и везде пихали свой «haben». Однако зачем же эту языковую безграмотность выдавать за некий шарм? А что касается деревни — что тут долго говорить? Деревня убила моих людей. Она виновата. Она умрет. Вся. Все.

— Хорошо, Хан. Я не буду «ботать» и постараюсь быть столь же лаконичным. Я — здесь, и со мной моя команда. Она сейчас в деревне. Если вы пойдете на штурм — мы будем драться за деревню. Будет много крови.

— Ну положим, крови я не боюсь, — вежливо ответил Хан. — Я ее когда-то сам переливал. Потом, правда, больше выливал. Из людей.

— И все же, Хан. Ваши люди тоже виноваты в том, что случилось. Артем, расскажи, — повернулся он к нему.

Артем постарался как можно четче рассказать о случившейся в прошлом году стычке. Хан внимательно его выслушал, но затем безразлично пожал плечами:

— Если бы я это знал раньше, возможно, все могло бы ограничиться выкупом, однако теперь это не имеет значения. Мои люди должны знать, что напавший на них будет уничтожен.

— И все же, Хан, — вновь повторил Крысолов, — прошу вас, подумайте еще раз. Ну что вам с этой деревни? Добра здесь никакого. Ну возмездие... а цена возмездия не слишком ли велика? Каждый из нас, а нас шестеро (Артем удивленно скосил глаза на Крысолова), возьмет пятерых как минимум. Да еще деревенские — как-никак, а вашу группу они взяли сами, безо всякой нашей помощи, — вот вам еще с десятков потерь. Потерять почти половину состава из-за троих насильников — не слишком ли много? Ну и напоследок: один из моей команды в бою участвовать не будет. Из-за этого у вас потери, конечно, уменьшатся, но я уж изо всех сил постараюсь его отсутствие компенсировать, а главное: он уцелеет, дойдет и расскажет. А у меня есть не только враги, Хан, но и друзья, да и просто кое-чем обязанные мне люди. Как вы думаете, как отнесутся ваши подчиненные к тому факту, что за возмездие за трех дураков они получают кучу потерь, да еще и

полноценную войну на закуску? Про Архангельскую колонию вы слышали, надеюсь? И вы что-то упомянули про выкуп? Мы можем это обсудить.

Хан, прищурясь, лениво двигал челюстями и молчал.

— Хорошо, — наконец сказал он, — я приму выкуп. И поскольку мяч сейчас на моей стороне — не надо торговаться, Крысолов. Цена окончательная, и я не буду ее обсуждать. — Он назвал цифру.

Артем похолодел: в деревне не было не то что столько, а и десятой, сотой доли затребованного Ханом.

Крысолов, однако, медленно кивнул:

— Согласен.

— И еще: после уплаты выкупа я не буду иметь никаких претензий к деревне, но вам, Крысолов, а равно и вашим людям, стоит убраться отсюда, поскольку я не люблю, когда мне мешают делать то, что я хочу делать. Если встретимся еще раз — будем воевать. Боюсь, что у вас появился еще один враг, несмотря на то что с вами, как редко с кем, можно обсуждать литературу. Ну и кроме всего прочего, вы не любите нелюдей.

Хан демонстративно сплюнул им под ноги то, что он жевал, и Артем с отвращением увидел, что это — кусок сырого мяса. Хан же улыбнулся, но в этот раз не губами, а опять-таки — демонстративно, широко открыв необычно большой рот, в котором, отливая красным, сверкнули заостренные зубы.

Артем слышал от того же Сереги-торгаша, что есть такие — жрущие человечину, и оттого становящиеся сильнее и быстрее. Но вот живую увидеть такого... нет, скорее такую тварь ему довелось впервые.

— Нам надо время, — тихо сказал Крысолов. — Ты сам понимаешь, столько у нас нет.

— Мы уже на «ты», стоило увидеть, что не «Орбит» жую? — усмехнулся Хан. — Кстати, от кариеса это, — он кивнул на отвратительный кусок, — еще лучше помогает.

— Ладно, Хан. Мы соберем выкуп. И мы уйдем отсюда. Но я тоже скажу тебе, — Крысолов повысил голос, так чтобы его было слышно и в недалеких зарослях, — если после того, как мы уйдем, у тебя все же появится желание сделать так, как ты хотел сделать, — мы вернемся. И, наверное, не одни. «Ника-

ких претензий» — значит, «никаких». И о нашем договоре станет известно не только в поселке, но и много дальше.

Хан удивленно поднял бровь:

— Мне что же, шефство потом над ними брать? А если, к примеру, их молния подожжет? Или их зомби бродячие перекусают?

— Ты знаешь, о чем я: если «молния» будет рукотворной, а зомби забредут сюда не случайно — я приду.

Хан смотрел, уже не улыбаясь.

— Я пока еще и выкупа не видел, — сказал он внешне спокойно, но Артем заметил, как напряглись его мощные жевательные мышцы, сразу сделав из приятного в общем-то лица страшноватую морду. — Вот после уплаты и решим все вопросы. А пока что... Неделя. Здесь. — Он повернулся и пошел к невысоким кустам.

Подойдя к кустам, оглянулся и крикнул:

— Эй, Артем, кому привет передать?

Артем и Крысолов тоже пошли к деревне. По пути Артем сказал с недоумением Крысолову:

— А я вот думал, что нелюди — они дикие и рычат. А этот — как наш учитель разговаривает. И литературу знает...

— Он тоже будет диким и станет рычать. С год ему осталось, не больше. А будет так сыртыну жевать — и того меньше. А литературу многие нелюди во все времена неплохо знали. Не все, конечно, но зато уж если из такого нелюдь получалась...

— Так они все-таки и раньше были — зомби, нелюди, морфы? — спросил Артем.

Крысолов ничего не ответил.

В деревне, собрав всех в Артемовой избе, Крысолов коротко обрисовал ситуацию. Узнав, что Хан — нелюдь, Кусок безглаголиво сплюнул:

— Тварь... В питерском ОМОНе, ребята говорили, был такой — так лихо на задания ходил, зачищал, добывал, никто и не догадывался, что он бандюков потихоньку жрет, для ловкости, а потом в караулке всей смене глотки перегрыз. Увидел, гад, свежую кровь у бойца одного — ранили его — и как ошалел. Они тогда только после столкновения были, не отошли еще от боя, а тут — на тебе. Главное, именно на кровь у живого прореагировал...

— Ребята, — приподнялся в кровати отец, — вам уходить надо. Только Артема возьмите с собой. Может, еще кого если в лесу встретите — тоже подберите.

Крысолов с некоторым недоумением посмотрел на него:

— Чего это мы пойдем, на ночь глядя? До поселка все же километров тридцать. А насчет того, кого мы можем встретить в лесу, так только будущих Хановых дружков-морфов. Все твои односельчане у него давным-давно в загоне, и хорошо если не на столе. Моим втираниям насчет здешних крутых бойцов он и на грош не поверил. Нас он пропустит — шестерых, и не больше. А сам будет ждать здесь.

— А чего идти в поселок? — задал вопрос Артем

— Так мы же туда и собирались, — терпеливо объяснил Крысолов. — А, ты ж в дозоре был, когда я с твоим отцом говорил: нам заказ оттуда пришел. Заплатить обещали очень прилично. Только с шестым нашим проблема вышла в соседней области...

— Убили? — упавшим голосом спросил Артем.

— Почему убили? — непонимающе воззрился на него Крысолов. — Кабанятины пережрал, а у него камни в желчном пузыре. Вот и загремел в больницу. Мы на «уазике» поехали, так эта долбаная таратайка по пути сдохла и даже не зазомбиривалась, сволочь. Ну а нам ждать некогда, заказ, сказали, сверхсрочный, мы и решили марш-бросок напрямик устроить, а здесь, у старого друга, передохнуть.

— Тут как бы не передохнуть, — мрачно сделал ударение на «о» Старый.

— Ладно, первый раз, что ли? — возразил Крысолов. — И тем более что нам шестой нужен был.

— Да, а чего вы все время говорите «вшестером»? — спросил Артем. — Сейчас и тогда, с Ханом...

— Артем, ты что, до шести считать не умеешь? — мягко спросил Крысолов в свою очередь. — Я. Старый. Сикока. Кусок. Банан. Ты — шестой.

Крысолова не было уже два часа. Сикока проверил всю сбрюю, перетер уже все патроны, только что не просматривая их на свет, даже и по банке тушняка врезали.

Бойцы лениво переговаривались, особо не жалуя вниманием Артема, и тому не оставалось ничего другого, как мол-

чать. Солнце поднялось довольно высоко, и только тогда командир появился. На лице его было довольное выражение, сквозь которое все же пробивалось какое-то сомнение.

— Ну что, команда, заскучали? — тем не менее бодро начал он.

— Да ладно заскучали, — отозвался здоровенный Кусок, — дело хоть нормальное?

— А вот и не знаю, — честно признался Крысолов. — Мутно как-то.

— А чего — сначала делайте, а за оплатой потом прибегайте, «через год»?

— Да нет, тут все в порядке — дают сразу, говорят, что можем вывезти куда хотим, с заложниками, есно...

— Тогда в чем проблема? — приподнялся на койке сухощавый Банан.

Крысолов немного покряхтел, после чего сказал:

— По-моему, там что-то очень хреновое, сами не справились — теперь нас позвали.

— Ну так... так всегда было, — пожал плечами Сикока. — Так сикока?

Немного помолчав, Крысолов назвал цифру. Тот удивленно присвистнул:

— Ну вообще-то сыто... Это... если поровну... по пятьдесят курсов на рыло. Трихопол?

— Нет. Орнидазол в блистерах. И это не на всех. Это на каждого. Плюс на каждый курс — пять доз цефепима.

После этого все вообще ошарашенно замолчали. Цена, по меркам этого полуживого мира, была просто нереальной. И оттого пугающей. Этого с лихвой хватило бы, чтобы уплатить выкуп Хану, и еще осталось бы.

— И еще... Я здесь видел одного приятеля, пересекались однажды. Перетерли мал-мало. Так вот, он говорит, что на прошлой неделе здесь была команда Индейца. Им предлагали то же. И они отказались.

В комнате повисло тяжелое молчание.

...Ага. И никто не любит конкурентов и врагов. Потому и «давила» «шестерка» все прочие вирусы — как конкурентов, а также большинство болезнетворных для человека бактерий. Собственно, бактерии при ж и в о м носителе были не

столь-то и важны — ну, подумаешь, помрет носитель от какого-нибудь стафилококка — включится механизм трансформации, почти как в детской считалочке: «А и Б сидели на трубе, А — пропала, зато Б — много стало, хрен трубу закопаете, дорогие товарищи!» Вот после того, как — вот тут бактерии могли сильно подгадить, разлагая труп, то есть не труп, а носитель, просто на новом уровне, — а потому и выработался в процессе эволюции механизм подавления синтеза бактериальной ДНК вирусной РНК, причем у формы «Б» он был на порядок сильнее, чем у формы «А», что и объясняло, почему живые люди все же по-прежнему нет-нет а и помирали от всяких там туберкулезов. Кстати, ничего нового — вирус СПИДа, который рулил на сцене, до тех пор пока не появилась «шестерка», практически так же «давил» иммунную систему, поражая механизм размножения лимфоцитов, защитных клеток организма — таких же, по существу, клеток, как и стафилококки, к примеру.

А вот простейшие в механизме разложения трупа не участвовали. И хоть были они по размерам не намного больше бактерий — «шестерке» они глубоко индифферентны, как не представляющие угрозы. А в отсутствие всех прочих конкурентов размножение всех организмов — и простейших в том числе — идет со скоростью лесного пожара. А человек — тоже существо, предназначенное размножаться, ну или по крайней мере любящее заниматься процессом, пусть и без достижения результата. А при любом стрессе сексуальные инстинкты обостряются, а уж при таком стрессе, где смерть и жизнь рядом, — тем паче, возьмите хоть войну, хоть дежурство в реанимационном отделении. А презервативы скоро кончились, новых не выпускали, да и забот других хватало тогда, чтобы думать в первую голову о них, а не о кондомиках каких-то. Вот все это, вместе взятое, и привело к тому, что уже к первой зиме самыми ходовыми деньгами во многих районах стали не патроны или консервы, а медикаменты, скучно именуемые в фармакологических справочниках «Антипротозойные средства».

Трихомоноз, вызываемый этой самой простейшей трихомонадой вагиналис, быстро стал настоящим бичом выжившего населения, по крайней мере в этой части планеты. Может, где-то было получше, только с чего бы вдруг: половые

контакты у людей осуществлялись даже в концлагерях. И достаточно посмотреть на истощенные скелетики новорожденных детей где-нибудь в африканской пустыне, где из зелени на сто верст в округе одна пальма, и та засыхает, а из еды — мешок гуманитарной муки на тысячу человек, чтобы понять: сексом люди будут заниматься несмотря ни на что. И в любых условиях. Я ж говорю: инстинкт продолжения рода — он самый сильный что у вируса, что у гомо сапиенс. Трихомониаз этому инстинкту не то что препятствовал, но несколько мешал: мало того что мочиться больно — трихомонада ведь не только в вагине живет, а и в мужском мочеиспускательном канале, — но это бы полбеды: простатит и аднексит, заболевания половых желез организма, как последствия хронического воспалительного процесса, — вот что было по-настоящему серьезно. Между прочим, трихомонада обладает жгутиками, с помощью которых легко забирается в самые укромные места организма. Причем быстро так. Сволочь. А после того как ей помогла «шестерка», процесс вообще пошел развиваться молниеносно — уже к вечеру после состоявшегося утром секса появлялась та самая капля, «гутен морген». Ну или «гутен абенд» — так, пожалуй, вернее. Мало того, простейшие обладают способностью поглощать и хранить в своих недрах и возбудителей прочих венерических заболеваний — тех же гонококков, к примеру.

Укрывшись за клеточной стенкой трихомонады, как за крепостной стеной, от опасной «шестерки», гонококки тоже делали свою работу. Хуже того — как уже сказано, Жизнь стремится выжить везде и всегда. И после того как пара человек умерла от молниеносной анаэробной инфекции, потому что ее возбудители тоже приспособились «прятаться» в трихомонадах, — дело стало слишком серьезным. Помереть к вечеру от газовой гангрены полового члена после утреннего секса — это вам не на каплю гноя на конце смотреть, и даже не от простатита лечиться. И что в такой ситуации должно было стать одной из самых конвертируемых валют? Медяшки и купоны? Не смешите мои тапочки...

Ну, естественно, все, как и всегда, относительно. В глухих деревнях, где к сексу относились достаточно традиционно и жизнь протекала относительно размеренно, ценились как раз вещи — патроны те же. Или резиновые сапоги. К имеющимся

запасам антипротозойных средств относились точно так же, как в африканских племенах — к золотому песку или слоновой кости: вещь неплохая и по-своему нужная — копьё вождю там украсить, — но малоценная. Сапоги нужнее. А вот в «метрополиях» все давно уже измеряли в том числе и в «таблетках» и курсах лечения. Быстро выработался и свой курс — дороже всего ценился орнидазол в блистерах — как наиболее эффективный и сильнодействующий. Подешевле — трихопол в блистерах, еще дешевле — в бумажной упаковке. Российский метронидазол в бумаге играл роль мелкой монеты, за которую тем не менее можно было купить и патроны, и консервы, и даже супердефицитный теперь шоколад. Да и как иначе? Без шоколада прожить можно, да и меда уже хватало. А вот ты без секса проживи... Соответственно, как в дикую Африку — за золотом, так и в уцелевшие райцентры — за таблетками отправлялись целые экспедиции. Можно было выменять таблетки на что-нибудь, а можно было и ограбить — все как и тогда. Лучше всего было, конечно, найти вымерший райцентр в глухих джунглях и, отстреливаясь от диких зверей и индейцев, то бишь зомбаков и морфов, в з я т ь а п т е к у. Для будущих Луи Буссенаров, коли такие все же будут, открывалось непаханое поле.

А чем должен был стать завод, новенький, с иголки, построенный перед самой Хренью, потом чудом уцелевший в произошедшем катаклизме и производящий подобные спасительные препараты? С чудом сохранившимися запасами сырья на год из расчета еще т о й экономики. С заводом, выпускавшим таблетки по импортной технологии, — пластинки-упаковки легко делились на части, а на каждой упакованной таблетке все равно стояло название препарата, штрих-код — и все такое плюс голограмма в придачу? Эльдорадо и Форт-Нокс в одном лице. Не знаю, как с этим было в Эльдорадо, но в Форт-Ноксе наверняка время от времени заводятся крысы...

— ...Я вот не пойму: почему они не пригласят тех же бандитов или городских? У них там ведь и бойцов побольше, и оснастка получше. Ну морф, ну, крутой, ну потеряли бы и половину всего состава — однако ухайдакали бы они его, по-любому... — задумчиво проговорил Кусок.

РАССКАЗЫ

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП

Дом был старый, добротный, сложенный из толстых со-сен. Наверное, прапрадед Коржика построил такой же: чтобы и сыну хватило, и внуку потом, а может, и правнуку досталось без особого перебора бревен, разве что нижние венцы заменить. Те хоть и с осмолем, а все равно подгниют лет за сто. Сам-то Коржик не видел этого дома, а вот отец, говорил, по молодости еще ездил с дедом в деревню и наблюдал тот дом своими глазами. Так что потом с удовольствием показывал, какой толщины были бревна в прадедовском доме, сводя руки обручем над выкаченным вперед животом. (Было похоже, будто отец нес на животе бочонок с пивом, до которого был великий охотник, и вдруг выронил.) И здесь тоже: вон какие лесины на потолок пошли, на пол — чесаные топором, никаких рубанков, а тем более циркулярок и бензопил. Кон-довое такое все, сверху донизу, потому и крепким получился, вот и не может к ним оборотень залезть.

«Оборотень» — это так его Коржик назвал. Может, их правильно по-другому называть, он не знает. А так — сильно похож, как раз на того, которого он в кино видел буквально в этом году, только без шерсти. В кино они с Ленкой ходили, на 23 февраля, Ленка тогда, дурочка, боялась сильно, к нему прижималась. А меньше чем через месяц — получите фильм ужасов с доставкой на дом. Не заказывали? Извините, уже уплачено...

Дом крепкий, а все же не крепость и не сейф. Коржик с тревогой посмотрел на потолок: там что-то тяжело стукнуло, с немыслимой быстротой переместилось из одного угла чердака в другой, на тяжелый стол, придвинутый к двери, посыпалась сверху какая-то желтая пыль. Наверху все вроде стих-

ло, и он попробовал осторожно подойти к окну, чтобы выглянуть наружу через узкую щелку. Половица под ногой предательски скрипнула, Коржик аж скривился. И тут же вжал голову в плечи: на дверь, ведущую в сени, обрушился мощнейший удар, еще и еще, стол, подпирающий дверь, даже вздрагивал... потом опять все стихло. Он сглотнул горькую вязкую слюну и вновь осторожно двинулся к окну. Дом был чем еще хорош — у него имелись ставни. Не какие-нибудь декоративные накладочки из фанеры, а настоящие добротные щиты, надежно закрывающие окна. Дубовые, с длинными коваными болтами, которые надо было продевать сквозь стену и закреплять специальной полосой — так, что не выдерешь! — они делались давно умершим мастером в те времена, когда люди понимали, что мир за стенами дома — опасен! Опасный мир за стенами дома мог стать с м е р т е л ь н о опасным в любое время, особенно ночью, и потому каждую ночь ставни наглухо закрывались, надежно пряча обитателей дома от всего, что могло на них покушаться, до рассвета, а надо — так и больше. Это потом уже мир обманчиво притворился надежным и ничуть не страшным, убаюкивая всех живущих ложным спокойствием, — так львица в саванне встает и, лениво переставляя ноги, идет в сторону стада зебр, даже не именно в их сторону, а как-то вроде и вбок. Совершенно не интересуясь ими. Вроде как. Ей просто захотелось прогуляться именно вот здесь, неподалеку. Паситесь, паситесь, полосатенькие... И даже если зебры, которые каждую неделю натывались на не доеденные падальщиками вельда останки своих вчерашних друзей по стаду, все равно попадались в эту ловушку вновь и вновь, что уж тут было говорить о людях, на памяти нескольких поколений которых в этом сибирском краю не происходило ровным счетом ничего опасного. Даже война прокатилась далеко от него, проявив себя разве что мертвящим белым снегом похоронок. Люди расслабились и перестали закрывать ставни, ржавела ковань болтов, за постоянно распахнутыми щитами деловито плели свои сети пауки. Нынешние хозяева дома не раз и не два подумывали, чтобы вообще убрать ставни, и не срывали их только из-за неохоты возиться с крепко сработанным изделием. Тем не менее мастер, сработавший ставни, свое дело знал, как знал и то, что мир может п р и т в о р и т ь с я безопасным. И когда он, глухо

рыча и капая кровью с оскаленных желтых клыков, дыша гнилым смрадом раскопанной могилы, рванулся в сторону оцепеневших от ужаса людей, ставни не подвели своего создателя, мирно спавшего на погосте. Наглухо захлопнувшись и спрятав за своими створками двух детей, они с честью выполнили свое предназначение даже после стольких лет бездействия. Вот только не у всех в этом мире был такой дом с такими ставнями...

Коржик, стараясь даже не дышать, выглянул в узкую щелку между захлопнутыми ставнями. Видно не было почти ничего, и он попробовал сместиться чуть вправо, силясь рассмотреть, что же там творится на засыпанном снегом дворе. Справа ничего, кроме краешка забора, не было видно, и он сдвинулся влево. Там видно было, только лучше бы не было: в поле зрения попала окровавленная рука. По синему рукаву куртки он понял, что рука — тети Зои: она не успела убежать, когда мертвец из-за сарая вышел прямо на нее, только ему успела крикнуть, чтобы прятался в дом. Рука медленно поднялась и с силой хлопнула по створке ставня, затем, шурша осыпающейся шелухой старой краски, поползла вниз, потом опять стало тихо. Теперь и слева ничего не стало видно. Коржик осторожно выдохнул в сторону и, стараясь не скрипеть предательской половицей, вернулся к кровати, на которой лежала пышущая жаром Ленка.

Он осторожно провел по ее лбу кончиками пальцев: ух ты, какая горячая! Впрочем, даже и так было видно, что у Ленки температура запредельная: пальцы ощутили тепло задолго до того, как приблизились к сухой коже. Он смочил водой полотенце, лежавшее рядом, и положил его Ленке на лоб, затем попробовал напоить девушку из поильника — старой плоской синей кружки с надписью «Кисловодск». Хорошо, нашлась здесь такая — видно, кто-то из бывших хозяев дома попал с оказией на знаменитый курорт. А может, так, кто подарил... Ленка приподнялась, не открывая глаз, проглотила несколько глотков из трубочки, вделанной в ручку кружки, и бессильно откинула голову на подушку. Дышала она шумно и тяжело, слышно было, как в груди что-то посвистывает с каждым вдохом... На его вопрос, не хочет ли она поесть, так же не открывая глаз, помотала головой. Больше сделать чего-либо он не мог.

СОДЕРЖАНИЕ

Злачное место. *Роман* 5

РАССКАЗЫ

Дополнительный этап 364

Игрушка от орка. 377

Приказ по больнице 392

Нужное ремесло. 401